



DOI: 10.22250/2072-8662.2017.2.64-72

Коваленко А.И.



Этноконфессиональный компонент культуры казачества восточных окраин России

Аннотация. В статье рассматриваются этнические трансформации в среде русских казаков, якутов, бурят, эвенков и народов Крайнего Севера, роль православия и буддизма в казачьей культуре, а также участие казаков в крещении нехристианских этнических групп. На примере рассмотрения феномена якутского, забайкальского, бурятского и др. казачества автор рассматривает особенности взаимодействия этносов и вероисповеданий. В исследовании использованы архивные документы и исторический опыт многолетнего наблюдения и анализа межэтнических и межконфессиональных отношений в казачьей среде учёными

и бытописателями. В исследовании использованы архивные документы и исторический опыт многолетнего наблюдения и анализа межэтнических и межконфессиональных отношений в казачьей среде учёными и бытописателями. Автор приходит к выводу, что исторический опыт формирования на территории Дальнего Востока этнокультурной общности казачества на *поликонфессиональной* и *многонациональной* основе свидетельствует о возможности в условиях повседневной жизни обеспечить консолидацию разрозненных представителей различных культур с образованием цельного социально значимого казачьего общества.

Ключевые слова: казачество восточных окраин России, этноконфессиональные отношения, этносы, православие, буддизм, старообрядчество, шаманизм

Anna I. Kovalenko

Ethno-Confessional Aspect of the Culture of the Cossacks in Eastern Regions of Russia

Abstract. The article considers ethnic transformations among the Russian Cossacks, Yakuts, Buryats, Evenks, and peoples of the Far North, the role of Orthodoxy and Buddhism in Cossack culture, and the participation of Cossacks in the baptism of non-Christian ethnic groups. In the context of the consideration of the phenomenon of the Yakut, Transbaikalian, Buryat, and other Cossacks, the author examines the features of the interaction of ethnic groups and faiths. The study uses archival documents and historical experience of long-term observation and analysis of interethnic and inter-confessional relations in Cossack environment by scholars and portrayers of ordinary life. The author comes to the conclusion that in the conditions of everyday life the historical experience of ethno-cultural community of the Cossacks in the territory of the Far East demonstrates the possibility to ensure the consolidation of disparate representatives of various cultures with the formation of an integral socially significant Cossack society on multi-confessional and multinational basis.

Key words: Cossacks of Eastern regions of Russia, ethno-confessional relations, ethnoses, Orthodoxy, Buddhism, Old Belief, shamanism

Коваленко Анна Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Амурской государственной медицинской академии; 675006, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Горького, 95; knich1989@mail.ru

Anna I. Kovalenko – DSc (History), Professor, Head of the Department of Humanities, Amur State Medical Academy; 95 Gorkogo str., Blagoveshchensk, Russia. 675006; knich1989@mail.ru

XVII–XIX вв. ознаменовались активным продвижением России на восток, присоединением громадной территории Восточной Сибири с выходом к берегам Тихого океана. Первыми российскими колонизаторами были казаки. Утверждаясь на новых землях, казачество столкнулось с представителями иной в этническом и духовно-культурном отношении цивилизации. В иноязычном и поликонфессиональном пространстве консолидирующим элементом общества выступило православие.

В современном мире, характеризующемся ростом национального самосознания, ретроспективный взгляд на формирование толерантности в мозаичных этноконфессиональных отношениях придаёт особую актуальность поднимаемой проблеме.

Первыми исследователями камчатского казачества, проживающего в окружении коряков и ительменов, были русские учёные этнологи и естествоиспытатели XVIII в., авторы одноимённых произведений С.П. Крашенинников и Г.В. Стеллер [Крашенинников, 1949; Стеллер, 1999].

Повышенный интерес учёных к изучению этнических и конфессиональных трансформаций в местах компактного проживания казачества в соседстве с коренным населением сложился на рубеже XIX–XX вв., когда был накоплен опыт взаимодействия представителей различных культур [Богораз-Тан, 1895; Маргаритов, 1899; Сильницкий, 1901; Муров, 1909, 1911; Васильев, 1916–1918; Иванов, 1912; Логиновский, 1904; Азадовский, 1915].

Системному анализу синтез этнических и религиозных взаимодействий в казачьих территориях был подвергнут в трудах современных историков и этнографов [Аргудяева, 2006; Ермак, 2005; Чертков, 1996; Коваленко, 2002; Коваленко, 2008; Никитин, 2007; Иванов, <http://www.fegi.ru/primorye/kazaki/kazak8.htm>; Элиасов, 1960].

Процесс открытия и присоединения дальневосточных территорий, утверждения русских людей на восточных окраинах России носил длительный и дискретный характер.

На первом этапе центром казачьей колонизации на Колыму, Камчатку, в Забайкалье и на Амур стал город Якутск, основанный в 1632 году. С этого времени ранее разрозненные казачьи экспедиции приобрели управляемый российским государством характер. В числе первопроходцев в северо-восточные земли были Владимир Атласов, Петр Чириков, Данило Анциферов, Иван Козыревский, Постник Иванов, Михаил Стадухин, Семён Дежнёв и др. В их командах были самые разные по социальному статусу люди: потомственные казаки из Енисейска, Тобольска и Якутска, промысловый и гулящий люд, в незначительном количестве представители аборигенного населения, крещённые в православие.

В 40-х гг. активизировались походы казаков за Байкал и на Амур. По мере продвижения в целях закрепления русского присутствия казаки строили остроги. Так были поставлены Верхоленский острог казаками Мартына Васильева, Верхнеангарский острог атаманом Василием Колесниковым, Осинский острог боярским сыном Иваном Похабовым, Баргузинский – Иваном Галкиным, остроги Усть-Прорва, Иргенский и Нерчинский Петром Бекетовым. Заслуга в освоении Амура принадлежит Ивану Москвитину, Василию Пояркову, Ерофею Хабарову. Среди русских землепроходцев были потомки других народов, в частности немцев, принявших русское подданство во время правления Петра I, Екатерины II, Павла I. Так, этническим немцем был А.И. фон Бейтон, сын прусского поручика, один из главных участников обороны Албазинского острога [Этнокультурный атлас, 2016, 50].

Покорение восточных территорий шло при активном сопротивлении местного населения. На Колыме и Камчатке казаки встретились с воинственной агрессивностью юкагиров, чукчей и коряков. Неоднократным набегам бурят подвергался Верхоленский острог при Курбате Иванове и Василии Нефедьеве, ожесточённые сражения развернулись между казаками Ерофея Хабарова и Онуфрия Степанова с одной стороны и даурами, дючерами и тунгусами, с другой. Как правило, вооружённые столкновения заканчивались победой немногочисленных казачьих отрядов, вооружённых огнестрельным оружием. И только сражение казаков с маньчжурами под Албазинским острогом приостановило на длительное время продвижение русских в Приамурье.

К концу XVII в. произошла локализация совместного проживания русского и инородческого населения. Это Камчатка, Колыма, Якутски и Забайкалье, где начали происходить сложные процессы взаимодействия различных этносов и вероисповеданий.

Второй этап казачьей колонизации (XVIII в.) озаменовался культурно-хозяйственным освоением присоединённых земель, организацией пограничной службы, когда устанавливались связи между народами, представляющими различные цивилизации. Славяне, исповедовали православие. Мировоззрение бурят формировалось на буддийских ценностях. Среди маньчжуров распространено конфуцианство. Северные народы поклонялись языческим идолам.

Географически самым северным отрядом казачества были якутские казаки. Судя по архивным документам, в 20-х гг. XVIII в. они были организованы в Якутский казачий полк, преобразованный в 1767 г. в команду, подчинённую управлению Иркутского обер-коменданта. Численность якутских казаков на протяжении века колебалась от 500 до 1500 человек. Под их влиянием находилась огромная территория северо-востока России от Якутска до Камчатки, на которой были разбросаны остроги как свидетельство русского присутствия. Судя по всему, северные казаки, по преимуществу представленные мужчинами, практически не вели оседлого образа жизни, выполняли надзирательные функции, сопровождали экспедиции и ссыльных, собирали ясак, несли пограничные караулы, прежде всего на Камчатке. В таких условиях они не могли вести хозяйственной земледельческой деятельности. Поэтому говорить о глубоких этнических процессах в их среде представляется сложным. Однако проживая в окружении многочисленного инородческого населения, они вынуждены были жениться на коренных женщинах, что изменило их физический тип. Со временем русского казака трудно было отличить от якута, юкагира или чукчи. Приспосабливаясь к суровым арктическим условиям, они заимствовали у местного населения одежду, пищу, способы охоты и рыболовства. Таким образом, под влиянием местных условий происходили изменения в материальной культуре казачества [Коваленко, 2002, 6–7].

В духовном отношении якутское казачество представляло собой уникальное явление. Территориально оторванные от влияния русской культуры, проживая в инокультурном пространстве, они сохранили в сознании православную веру, русский язык и народные традиции.

Геополитический интерес российского государства обусловил проведение гибкой религиозной политики в отношении казачества к аборигенному населению. Необходимо было решать двуединую задачу. С одной стороны сохранять и укреплять религиозное сознание самих казаков, с другой – обращать в православие язычников из коренных народов. С этой целью в 1639 г. было поручено митрополиту Казанскому и Сияжскому послать из Казани в Якутск четырёх священников: двух белых и двух иеромонахов для освящения сибирского края верою Христовой. Началось строительство церквей и монастырей. С 1642 г. в первой церкви во имя Св. Троицы начались службы в Якутском остроге. К 1646 г. относится упоминание о другом храме – во имя св. Михаила. Казаки выступили инициаторами в строительстве Иркутского Вознесенского монастыря, Братской Спасской пустыни на Ангаре. Нередко служилые жертвовали немалые вклады на строительство монастырей и сами постригались в монашество [Коваленко, 2008, 50].

Монахом стал участник крупного вооружённого столкновения между камчатскими казаками в 1711 г. Игнатий Козыревский. В монашестве он занимался строительством церквей и монастырей в Якутии, принимал участие в христианизации местных жителей. С его именем связано основание Покровского монастыря и Успенской пустыни [История, 1995, 262].

В процессе христианизации преодолевалось немало трудностей. Чтобы не оттолкнуть от православной веры якутов, эвенков, юкагиров, ительменов и др., правительство старалось сгладить возникающие противоречия. Нормативными актами того времени позволялось крестить инородцев только по их просьбе, а духовные лица могли совершать таинство Св. Крещения только по Государеву указу.

В 1731 г. территория Якутии была включена в Иркутскую епархию. Первое время церкви и часовни строились в русских острогах, а в конце XVIII в., в период

массового крещения местных жителей, их строительство было продолжено и в якутских улусах. К началу XIX в. основная масса якутов также приняла православие.

Учитывая большие расстояния и явный недостаток культовых сооружений, священники были редкими гостями в казачьих острогах. Побывавший на Камчатке С.П. Крашенинников писал, что нередко брачные отношения между казаками и крещёнными инородческими женщинами закреплялись церковью спустя длительное время. Поэтому у казака крестины невесты, свадьба, молитва и крестины детей происходили одновременно.

Охотнее принимали крещение народы, в культуре которых были слабее укоренены языческие верования. Так, Г.В. Стеллер писал, что единственным во всей Российской империи народом, не почитающим ни Бога, ни дьявола, были ительмены. Поэтому в их языке отсутствует слово «дух». У них нет понятия о познании разумного божества. Придуманной ими творец неба и земли Кутка глупее и безумнее ительменских мужчин. В связи с тем, что у ительменов нет твёрдых религиозных убеждений, разясняя суть православия, в течение часа можно окрестить сотню человек. Поэтому уже в середине XVIII в. почти все ительмены приняли христианскую веру. К исполнению духовных обрядов часто допускались казаки, при этом взимали достаточно высокую плату за крещение и венчание. Вместе с тем, Г.В. Стеллер высказывал опасение, что безграмотность населения и недобросовестность священников может породить среди ительменов образование различных сект. Не допустить этого можно только духовным просвещением во вновь основанных школах [Стеллер, http://az.lib.ru/s/steller_g_w/text_1774_opisanie_zemli_kamchatki.shtml].

Сложную в этноконфессиональном отношении общность представляло забайкальское казачество. Организационное оформление казачьих структур в Забайкалье было продиктовано беспокойной обстановкой на юго-восточных границах российской империи. Первые русские остроги существовали здесь со времён землепроходцев. Для охраны границы в первой четверти XVIII в. в Западном Забайкалье были сооружены русские караулы – Желтуринский, Босинский, Цаган-Усинский – и небольшие зимовья в долинах рек Джиды, Селенги, Кяхты и Чикоя. Здесь же кочевали ясачные тунгусы, фактически принимавшие участие в охране границы. В 1761 г. сенатским Указом по просьбе тунгусского князя Гантимура был образован пятисотенный Тунгусский казачий полк. Казаки были распределены по 22 караулам и крепостям. Сам князь был пожалован дворянским титулом с мотивацией «за восприятие христианской веры...». В 1764 г. после неоднократных просьб были созданы 4 шестисотенных бурятских полка, сформированных на родовой основе Ашебагатов, Цонголов, Атаганов и Сортолов. С образованием Забайкальского казачьего войска после нескольких реформаций инородческие полки были расформированы, русские, бурятские и тунгусские казаки стали нести совместную войсковую службу.

В этническом отношении основу забайкальского казачества составляли русские. В период землепроходчества это была пассионарная часть славянского населения, принёсшая и закрепившая на восточно-сибирских пространствах островки русской культуры. За три столетия проживания в суровом крае, приспособившись к местным климатическим и социальным условиям, сложился уникальный тип русского забайкальского казака.

В результате межэтнических браков между русскими казаками и инородческими женщинами родился новый физический образ забайкальца – гураны и карымы, представляющие помесь русских с бурятками и тунгусками, крещёнными в православие. Слово «гуран» берёт начало от названия меховой охотничьей шапки (орогды), снятой целиком с головы дикой косули или гурана. Карымы в переводе с монгольского «хари, харим, харым» означает «чужой, инородный».

Социальный состав забайкальских казаков неоднороден. Значительная часть из них изначально позиционировала себя «людьми государевыми», несущими службу по охране границы и обеспечению общественного порядка. С образованием Забайкальского казачьего войска в его состав было обращено более 29 тыс. горнозаводских нерчинских крестьян. Это земледельческий компонент казачьей культуры, имеющий весьма опосредованные знания о воинской службе. Генетическим духовным стержнем и тех, и других было православие. Далее функциональное назначение

войска формировало в сознании казачества чувства христианской и самодержавной верноподданности, ответственности за судьбу Отечества.

В быту забайкальский казак привык надеяться на себя, трудом обеспечивать жизнь своей семьи, поэтому со временем в нём сформировались ощущения самодостаточности и самоуважения. Взаимоотношения в казачьей среде строились на честности, добрососедстве, взаимопомощи и справедливости. При этом многим исследователям казалось, что забайкалец тугодум, живёт в замедленном ритме, самолюбив, не привык к чинопочитанию. Например, когда в одну из станиц Забайкальского казачьего войска приехал врач родом из дворян и стал обращаться с казаками надменно, сход постановил вывести его из помещения [Никитин, 2007, 142].

Образ жизни забайкальца складывался на патриархальных ценностях. А.П. Васильев, досконально изучивший жизнь казачьей семьи, писал о типичных порядках в ней: «Хозяин почтенный старик – любитель духовных и светских книг. У него пять или шесть сыновей. И всё огромное семейство в безусловном повиновении отца – старика. Слово его закон для всего дома. Придя к нему во время обеда, вы удивились бы чинопочитанию. Впереди сидел за столом отец с матерью, возле него по правую руку старший сын, рядом другой младший и т.д. Всё тихо и безмолвно. В заключение на стол подавали горшок с кирпичным чаем, после чего все встают и молятся Богу, потом кланяются родителям и благодарят за хлеб, за соль» [Васильев, 2007, 306].

Кроме православных в казачьей среде были представлены старообрядцы, бывшие участники Пугачёвского восстания, отбывшие каторгу и высланные в Забайкалье. В 1809 г. в станицу Доно Нерчинско-Заводского округа было выслано 26 семей казаков-староверов. В конце XIX в. в Доно насчитывалось 300 дворов, из них 80 дворов принадлежали старообрядцам. Как писали газеты того времени, потомки ревнителей старой веры «сохранили дух пугачевщины...», которые проявлялись на каждом шагу». Поэтому власти стремились разобщить старообрядцев, насаждали новую православную веру, а старообрядцев нередко выселяли из своих селений. Вольный дух, сословная независимость приверженцев старой веры особенно были востребованы в период социальных потрясений. Так, 1917 г. в станице Доно Второго военного округа Забайкальской области из единоверия в старообрядчество перешло 265 семейств, осталось в единоверии 35 семей. Вторым местом компактного проживания старообрядцев в Забайкалье было селение Бичура (современная территория Бурятии). В 1768 г. из Польши по Указу Екатерины II сюда были отправлены старообрядцы, в том числе казаки. В 1884 г. казаки-старообрядцы проживали в 15 дворах, из них 49 мужчин и 54 женщины. Среди казаков преобладал род Григорьевых. Старообрядцы из казачества разделили драматическую судьбу всех казаков. Накануне революции атаманом бичураских казаков был Ермил Григорьевич Григорьев. После революции клан Григорьевых выехал в Монголию и Харбин, некоторые эмигрировали в Австралию [Болонев, <http://wiki.starover.net/index.php?title>].

Наряду с русскими в состав Забайкальского войска входили буряты и тунгусы (эвенки). В начале XX в. они составляли от 10 до 12 % общей численности войскового населения. Повседневные многолетние контакты между русскими казаками и представителями коренного населения, несущими совместную службу и разделяющими тяготы повседневной жизни были обусловлены и идентичностью культурных стереотипов. Так, общинные и родовые отношения среди русских казаков и бурят культивировали необходимость взаимовыручки, уважительное отношение к старшим и женщине-матери. Не случайно бурят называли «братскими» людьми, а у казаков бытовала пословица «Нет уз крепче товарищества». У русских и у бурят существовало звание «почётный старик». У бурят почётными стариками были старейшие, авторитетные члены рода, строго следившие за соблюдением родовых обычаев, а у казаков звание почётного казака или старика присваивалось на основании приговоров сходо́в лицам, занимающим высокие должности на государственной службе по военному или гражданскому ведомствам. Они не несли казачью службу, но помогали в обустройстве станиц.

Главной религией бурятских и тунгусских казаков был буддизм. Православных казаков и буддистов объединяла религиозная терпимость. На религиозной

почве и в православии, и в буддизме задавалась высокая планка нравственных ценностей, по духу близкая казачьей психологии, – это жизнелюбие, сострадательность, готовность прийти на помощь ближнему, способность к самоограничению желаний и потребностей, неприязнительность в быту, жертвенность.

Немаловажное значение имела поддержка буддизма со стороны российского государства. В 1741 г. был издан Высочайший Указ императрицы Елизаветы Петровны, узаконивший деятельность буддийских дацанов в России. Россия оказалась первой европейской державой, оказавшей буддизму официальное покровительство.

Многие известные ламы вышли из казаков. И более того, ламы-казаки на время исполнения религиозных обязанностей освобождались от службы. Так, когда признанный среди бурят лама Даша Доржи Итигелов должен был отправиться на военную службу, по указанию настоятеля Анинского дацана он был освобождён от неё, и жители четырёх поселений выплачивали за него отступные в течение 20 лет [Намсараева, <https://www.zaweru.ru/monarhiya/993-kazaki-i-buddizm.html>]. Крещение в православие бурят-язычников осуществлялось в лояльной форме. Поэтому, опираясь на родовые связи, общность культурно-исторических традиций, языка казаки из бурятских полков предпочитали принять буддизм. Спустя 200 лет после присоединения Забайкалья к России из числа местных шаманистов-инородцев в ламаизм обратились 77 %, а в православие только 6,2 %. В целом же забайкальское казачество преимущественно исповедовало православие. По данным Главного управления казачьих войск к началу XX в. в Забайкальском казачьем войске было 160 049 православных, 25 358 буддистов, 26 мусульман из числа служилого населения [Религии, 2002, 151–155].

Массовое поселение казаков на Амур и Уссури началось с 1858 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. Первыми поселенцами были забайкальские казаки, принёсшие в новые земли этноконфессиональные особенности культуры забайкальцев. Это был северорусский сибирский тип культуры с заметным влиянием традиций бурят и тунгусов. Казаки по вероисповеданию преимущественно были православными. Учитывая, что формирование дальневосточных казачьих войск происходило по имперской воле, связано было с решением глобальных задач по освоению окраинных территорий и охране протяжённой государственной границы, их состав пополнялся всё новыми представителями казачества, различными по этнической и конфессиональной принадлежности. После 1895 года для охраны строящейся железнодорожной магистрали в дальневосточные войска влились казаки Кубанского, Донского и Оренбургского казачьих войск. Новосёлы пополнили преимущественно Уссурийское казачье войско. В Амурском войске из их числа был образован Николаевский станичный округ. В основном, они были носителями южно-русской и украинской культурных традиций. Кубанцы, донцы и оренбуржцы привнесли свои устои в хозяйственно-бытовой уклад и духовную жизнь дальневосточников. Отношения между поселенцами, особенно представителями различных войск, зачастую порождали много конфликтов на психологическом уровне и на почве хозяйствования. Требовалось время для формирования однородности в быту.

Ядром духовной культуры казаков было православие. Наряду с этим, среди переселенцев второй волны были и староверы. Состав мигрантов тщательно отбирался казачьей администрацией. Нужны были результативные работники для освоения вновь заселённых территорий, поэтому преимущества отдавались традиционным большим семьям. Старообрядцы допускались к переезду в связи с их высокой трудовой этикой. В 1914 г. среди уссурийских казаков насчитывалось 168 раскольника, или 0,4 % от всех верующих. На территории войска проживали 1 823 иноверца, что составило 4,1 % верующих.

Амурские казаки жили в непосредственной близости с аборигенным населением. К середине 80-х гг. XIX в. в Амурской области и Приморье проживало 13 тыс. орохонов, манегров, гольдов и тунгусов, 10,6 тыс. маньчжуров и дауров и около 3 тыс. китайцев (манзов). Это составляло 40 % населения края [РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 70]. Однако этот инородный контингент не внёс существенных изменений в казачью культуру. Видимо, сказалась территориальная отделённость казачества

в период заселения края, разные духовные ценности и несовместимые различия в организации быта.

Особый интерес представляют отношения казачества с гражданами Поднебесной. Первые контакты маньчжуров и казаков в Приамурье устанавливались ещё в XVII в. Как правило, они носили характер жёсткого противостояния, вплоть до открытых вооружённых столкновений. Так, после снятия длительной осады под Албазино часть казаков во главе со священником Максимом Леонтьевым перешли в подданство Цинской империи. С 1686 г. они были зачислены в лучшую часть маньчжурской гвардии императора – отряд «Знамени с жёлтой каймой», которой командовал один из принцев маньчжурской династии. Албазинцы составили сотню и служили со своими командирами. Они получили земельные поместья, дома, денежное довольствие и были зачислены в высший социальный слой жителей Пекина. Богдыхан отдал им в распоряжение буддийскую кумирню, которую казаки перестроили в церковь Святой Софии. В XVIII в. она перешла в распоряжение Русской духовной миссии. Среди прихожан насчитывалось до тысячи потомков албазинцев. Во время восстания ихэтуаней они подверглись гонениям, и даже смерти, за христианскую веру. На месте их погребения на территории Пекинской духовной миссии был возведён храм во имя Светлых мучеников, а сами они прославлены Русской православной церковью в лике местночтимых. Сейчас в Пекине проживает около 250 потомков албазинцев. Несмотря на сильное влияние китайской культуры и смешанные браки, утратив славянский физический тип и русский язык, они сохранили православную веру [Абеленцев, 2008, 183].

С установлением государственной границы (Айгунский и Пекинский договоры – соответственно 1858 и 1860 гг.) взаимоотношения между гражданами Китая и дальневосточными казаками строились по служебным, хозяйственным и бытовым вопросам. Среди казачества сложилась практика сдачи земли в аренду, в т.ч. и китайцам. Китайские купцы, переходя границу, использовали казаков для извоза. Казаки, в свою очередь, испытывая нехватку рабочих рук, нанимали китайцев для работы в своих хозяйствах. При охране границы нередко возникало противостояние казаков и китайцев. При этом добрососедские отношения проявлялись в совместном праздновании русских православных и китайских праздников, таких как Рождество, русский и китайский Новый год, Троица и др. Граждане обеих государств посещали сопредельные территории, граница часто носила условный характер [Иванов, Сергеев, <http://www.fegi.ru/primorye/kazaki/kazak8.htm>].

Оазис русской православной культуры, со своими устоями и образом жизни на территории китайского государства сложился в Трёхречье. Этнограф Ю.В. Аргудяева, одна из учёных, исследующих историю заселения этого района, считает, что, возможно, первые жители происходили из политкаторжан, бежавших на маньчжурскую сторону в первой половине XIX века. Основав заимки, они охотно женились на тунгусских женщинах. Впоследствии в Трёхречье стали появляться охотничьи избушки и заимки казаков. К 80-м гг. XIX в. здесь разрастались первые поселения, массовый исход казачества в Трёхречье завершается в 20–30-е гг. XX столетия. Единственной казачьей станицей, которой подчинялись все казачьи посёлки (Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Караганы, Щучья, Покровка и др.) была Драгоценка, или по-китайски Саньхэ.

Центром русского мира в Драгоценке был знаменитый казачий собор Петра и Павла. В 10-и населённых пунктах из 19-и действовали приходские храмы и приписные церкви. В казачьем самосознании закреплялись нормы православной морали. В отрыве от русской культуры религиозность казаков-эмигрантов, в отличие от проживающих в России, была значительно выше.

В 1944 г. в станице проживало около 3 000 человек – русских около 1 500, китайцев 900–1000, японцев 500 (без учёта гарнизона). В ней была создана вся инфраструктура (отделение Бюро по делам российских эмигрантов, полицейское, жандармское и казачье станичное управления, отделение японской миссии, лесничество). Дети обучались в русской и китайской школах. Русское население, в основном, занималось земледелием и скотоводством, китайцы держали лавки, торговали, имели мелкие мастерские и харчевни. Совместная общественная жизнь приводила

к образованию межэтнических русско-китайских семей, постепенно формировалось смешанное население. При этом благодаря православию, русской школе, родному разговорному языку, организации традиционных гуляний на Пасху и Троицу в Трёхречье до репатриации сохранялись образцы русской культуры [Аргудяева, 2006, 121–133].

Таким образом, исторический опыт формирования на далёкой российской окраине этнокультурной общности казачества на поликонфессиональной и многонациональной основе свидетельствует о возможности в условиях повседневной жизни обеспечить консолидацию разрозненных представителей различных культур с образованием цельного социально значимого казачьего общества.

Библиографический список

1. Абеленцев, В.Н. Амурские казаки. Приамурье. Из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Т. 1 / В.Н. Абеленцев. – Благовещенск: Изд-во «Амурская ярмарка», 2008. – 288 с.
2. Азадовский, М.К. Заговоры амурских казаков / М.К. Азадовский // Живая старина. – Т. XXIII. – Пгд, 1915.
3. Аргудяева, Ю.В. Русское население Трёхречья / Ю.В. Аргудяева // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 121–135.
4. Богораз-Тан, В.Г. Русские на Колыме / В.Г. Богораз-Тан // Жизнь. – 1899. – № 6.
5. Болонев, Ф.Ф. Казаки-старообрядцы за Байкалом / Ф.Ф. Болонев // Сайт «Старовер» [Электронный ресурс]. – URL: <http://wiki.starover.net/index.php?title> (дата обращения: 04.02.2017).
6. Васильев, А.П. Забайкальские казаки: Исторический очерк в 3 томах. Т. 2 / А.П. Васильев. – Благовещенск: Изд-во «Амурская ярмарка», 2007. – 351 с.
7. Ермак, Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России. Вторая половина XIX – начало XX века / Г.Г. Ермак. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 172 с.
8. Иванов, В.Д. Особенности этнокультурного формирования уссурийских казаков и их взаимоотношений с населением сопредельных государств / В.Д. Иванов, О.И. Сергеев // Региональный портал «Приморский край России» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fegi.ru/primorye/kazaki/kazak8.htm> (дата обращения: 04.02.2017).
9. Иванов, Р. Краткая история Амурского казачьего войска / Р. Иванов. – Благовещенск, 1912.
10. Иохельсон, В.И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении / В.И. Иохельсон. – СПб., 1895.
11. История казачества Азиатской России. Т. 1. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 317 с.
12. Коваленко, А.И. Религия в жизни казачества восточных окраин России / А.И. Коваленко // Религиоведение. – 2008. – № 1. – С. 49–58.
13. Коваленко, А.И. Шли встречу солнца / А.И. Коваленко // Россия и АТР. – 2002. – № 1. – С. 5–12.
14. Крашенинников, С.П. Описание земли Камчатки / С.П. Крашенинников. – М.–Л.: Изд-во «Главсевморпуть», 1949. – 842 с.
15. Логиновский, К.Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков / К.Д. Логиновский // Записки общества изучения Амурского края. Т. 9, вып. 1. – Владивосток, 1904.
16. Маргаритов, В.П. Камчатка и ее обитатели / В.П. Маргаритов // Записки Приамурского отделения ИРГО. Вып. 1, Т. 5, 1899.
17. Муров, Т.Г. По русскому Дальнему Востоку: люди, их жизнь и нравы / Т.Г. Муров. – М., Т. 1. – 1909; Т. 2. – 1911.
18. Намсараева, А. Казаки и буддизм / А. Намсараева // Сайт «За веру, царя и отечество» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zaweru.ru/monarhiya/993-kazaki-i-buddizm.html> (дата обращения: 04.02.2017).
19. Никитин, Г.В. Культура русских казаков Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Г.В. Никитин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – 266 с.
20. Религии народов современной России. Словарь. – М.: Республика, 2002. – 624 с.
21. РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 70.
22. Сильницкий, А.П. Поездка в Камчатку и на реку Анадырь / А.П. Сильницкий // Записки Приамурского отдела ИРГО. Т. 2, вып. 3. – Хабаровск, 1901.
23. Стеллер, Г.В. Описание земли Камчатки / Г.В. Стеллер. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатский печатный двор», 1999. – 523 с.
24. Чертков, А.С. Якутское казачество во второй половине XIX – начале XX вв. / А.С. Чертков. – М., 1996. – 181 с.

25. Элиасов, Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири / Л.Е. Элиасов. – Улан-Удэ, 1960. – 480 с.
26. Этнокультурный атлас Приамурья / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского госуниверситета, 2016. – 163 с.

References

1. Abelentsev V.N. *Amurskie kazaki. Priamur'e. Iz veka v vek. Materialy, dokumenty, svydetel'stva, vospominaniya* [The Amur Cossacks. The Amur Region. From Century to Century. Materials, Documents, Evidences, Memories]. Vol. 1. Blagoveshchensk: Izd-vo «Amurskaya yarmarka», 2008, 288 p. (in Russian).
2. Azadovsky M.K. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. Vol. XXIII. Pgd, 1915 (in Russian).
3. Argudiaeva Yu.V. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific Region]. 2006, no. 4, pp. 121–135 (in Russian).
4. Bogoraz-Tan V.G. *Zhizn'* [Life]. 1899, no. 6 (in Russian).
5. Bolonev, F.F. *Kazaki-starobryadtsy za Baykalom* [Old Believer Cossacks in Transbaikalia]. Available at: <http://wiki.starover.net/index.php?title> (accessed: February 4, 2017).
6. Vasilyev A.P. *Zabaykal'skie kazaki. Istoricheskiy ocherk v 3 tomakh* [Transbaikalian Cossacks: A Historical Review in 3 Volumes]. Vol. 2. Blagoveshchensk: Izd-vo «Amurskaya yarmarka», 2007, 351 p. (in Russian).
7. Ermak G.G. *Semeynyy i khozyaystvennyy byt kazakov yuga Dal'nego Vostoka Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* [Family and Household Life of the Cossacks in the South of the Russian Far East. Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Vladivostok: Dal'nauka, 2005, 172 p. (in Russian).
8. Ivanov V.D. *Osobennosti etnokul'turnogo formirovaniya ussuriyskikh kazakov i ikh vzaimootnosheniy s naseleniem sopredel'nykh gosudarstv* [The Features of Ethnocultural Forming of the Ussuriysk Cossacks and Their Interrelation with the People of Neighboring States]. Available at: <http://www.fegi.ru/primorye/kazaki/kazak8.htm> (accessed: February 4, 2017) (in Russian).
9. Ivanov R. *Kratkaya istoriya Amurskogo kazach'ego voyska* [Brief History of the Amur Cossacks]. Blagoveshchensk, 1912 (in Russian).
10. Jochelson V.I. *Zametki o naselenii Yakutskoy oblasti v istoriko-etnograficheskom otnoshenii* [Historical and Ethnographical Notes about the People of Yakut Oblast]. St. Petersburg, 1895 (in Russian).
11. *Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii* [The History of the Cossacks in Asian Part of Russia]. Vol. 1. Ekaterinburg: UrO RAN, 1995, 317 p. (in Russian).
12. Kovalenko A.I. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2008, no. 1, pp. 49–58 (in Russian).
13. Kovalenko A.I. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific Region]. 2002, no. 1, pp. 5–12 (in Russian).
14. Krashenninnikov S.P. *Opisanie zemli Kamchatki* [A Description of Kamchatka]. Moscow–Leningrad: Izd-vo «Glavsevmorput'», 1949, 842 p. (in Russian).
15. Loginovsky K.D. *Zapiski obshchestva izucheniya Amurskogo kraya* [Notes of the Society for Studying the Amur Region]. Vol. 9, iss. 1. Vladivostok, 1904 (in Russian).
16. Margaritov V.P. *Zapiski Priamurskogo otdeleniya IRGO* [Notes of the Amur Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Iss. 1, vol. 5, 1899 (in Russian).
17. Murov T.G. *Po russkomu Dal'nemu Vostoku: lyudi, ikh zhizn' i nray* [Around the Russian Far East: People, Their Life and Folkway]. Moscow, vol. 1, 1909; vol. 2, 1911 (in Russian).
18. Namsaraeva A. *Kazaki i buddizm* [Cossacks and Buddhism]. Available at: <https://www.zaweru.ru/monarihiya/993-kazaki-i-buddizm.html> (accessed: February 4, 2017) (in Russian).
19. Nikitin G.V. *Kul'tura russkikh kazakov Zabaykal'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Culture of the Russian Cossacks of Transbaikalia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2007, 266 p. (in Russian).
20. *Religii narodov sovremennoy Rossii. Slovar'* [Religion of the Peoples of Contemporary Russia. A Dictionary]. Moscow: Respublika, 2002, 624 p. (in Russian).
21. *Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 1683. Inventory 1. File 20, fol. 70 (in Russian).
22. Silnitskiy A.P. *Zapiski Priamurskogo otdeleniya IRGO* [Notes of the Amur Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 2, iss. 3. Khabarovsk, 1901 (in Russian).
23. Steller G.V. *Opisanie zemli Kamchatki* [A Description of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Izd-vo «Kamchatskiy pechatnyy dvor», 1999, 523 p. (in Russian).
24. Chertkov A.S. *Yakutskoe kazachestvo vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [The Yakut Cossacks in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 1996, 181 p. (in Russian).
25. Eliasov L.E. *Russkiy fol'klor Vostochnoy Sibiri* [Russian Folklore of the Eastern Siberia]. Ulan-Ude, 1960, 480 p. (in Russian).
26. *Etnokul'turnyy atlas Priamur'ya* [Ethnocultural Atlas of the Amur Region]. Ed. by A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gosuniversiteta, 2016, 163 p. (in Russian).